

Семья Яушевых и ее окружение: ислам и дилеммы властных отношений в Российской Империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Павел Шаблей

ВВЕДЕНИЕ

Политика по отношению к исламу в Российской империи, в общем, и Казахской степи,¹ в частности, получила неоднозначную трактовку в исследованиях. Одни ученые считают, что мусульмане воспринимали имперское государство как «потенциального инструмента воли Бога (Аллаха), верховного арбитра законности и границ соблюдения «ортодоксального» ислама».² Другие указывают на противоречия в отношениях между мусульманами и империей и, как следствие, отмечается отсутствие какой-либо единообразной политики. Пол Верт, например, подчеркивает, что государство могло одновременно расширять мультиконфессиональное учреждение («Russia's multiconfessional establishment») на Южном Кавказе (создание *муфтиата* для шиитов и суннитов в 1872 г.) и ограничивать его юрисдикцию в Казахской степи.³ В свою очередь Мустафа Тюна проанализировал изменения в жизни мусульманских сообществ Волго-Уральского региона не столько через призму имперской политики, а сколько через возможности мусульман действовать в рамках собственного метафорического пространства («domain» — «область, владение»)⁴.

Учитывая разнообразие существующих исследований и источников, ситуацию с исламом в Казахской степи сложно понять, если рассматривать происходившие там процессы только через имперские категории⁵

- 1 Ремнев А. Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е годы XIX в.) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 32. / отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков. М., 2006. С. 238–277; Султангалиева Г.С. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. 2000. № 4.
- 2 Robert D. Crews, *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia* (Cambridge: Harvard University Press, 2006), pp. 14, 20, 26.
- 3 Paul W. Werth, *The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia* (Oxford University Press, 2014), pp. 5, 48, 147–148.
- 4 Mustafa Tuna, *Imperial Russia's Muslims: Islam, Empire, and European Modernity, 1788–1914* (Cambridge University Press, 2015), pp. 11–14.
- 5 В данной работе это понятие означает: имперское понимание и определение народа и его культуры, и в соответствие с этим пониманием выработка практического опыта управления. См.: Гольдин С. Еврей как понятие в истории имперской России // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М., 2012. С. 340–341.

(«поверхностные мусульмане», «цивилизационная миссия» и др.). Несмотря на то, что в 1868 г. казахи Степных областей (за исключением бывшей Букеевской Орды и мусульман-казаков Уральской области) были изъяты из ведомства Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС),⁶ а в административных документах ислам активно политизировался,⁷ рост мусульманского населения продолжался, открывались новые мусульманские институты (мечети, *мадрасы*, *вакфы* и др.).⁸ Российская администрация, учитывая, с одной стороны, значение мусульманской торговли, а, с другой, незначительность культурного влияния «слабого русского населения степи», вынуждена была признать свою неспособность каким-то образом радикально изменить ситуацию с исламом.⁹ Мусульмане, таким образом, могли избегать активного обсуждения своих проблем с имперскими властями и действовать в рамках системы властных отношений, включавшей апелляции к шариату, мобилизацию общественных ресурсов (*меджлис*) для принятия важных решений, развитие благотворительности без участия земства и др. Такая логика, если и не исключала имперского влияния, то делала его незначительным.¹⁰ Я считаю, что мусульмане обращались за помощью к империи не потому, что ей доверяли, а с целью борьбы за властное доминирование в своих сообществах. Поэтому империя могла рассматриваться как дополнительный ресурс для уничтожения противников в ходе противоборства между отдельными социальными группами или религиозными лидерами.

Для того чтобы представить описанную выше картину, я беру историю мусульманской семьи, вписанную в широкий пласт как имперской, так и местной истории. Речь пойдет о Яушевых (от князя Яуша), происхождение которых восходит ко временам Ивана IV (Иван Грозный), а расцвет на период второй половины XIX – начала XX вв., когда пред-

---

6 Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. А-А., 1960. С. 339.

7 Батунский М.А. Россия и ислам. Т. 2. М., 2003. С. 274–280.

8 Так, в 1882 г. в Семипалатинске на долю татар приходилось 22,8 % населения, а в Петропавловске в 1897 г. татарский язык родным считала почти одна третья часть горожан. Перед Февральской революцией 1917 г. в обоих городах насчитывалось более 20 мечетей. См.: Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. 369, оп. 1, д. 3696, л. 51; Баруди, Галимжан. Кызылъяр сәфәре. Казан, 2004. Б. 85–99; Allen J. Frank and Mirkasym Usmanov, *Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two manuscripts by Ahmad-Wali al-Qazani and Qurban ali Khalidi*, ANOR 11 (Berlin, 2001), pp. 21–23, 25.

9 См.: Всеподданнейший доклад Степного генерал-губернатора [Сухотина] о положении ислама в Степном крае [2 апреля 1905 г.] // Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 10, д. 23, л. 29–33.

10 Об отдельных случаях участия российских чиновников в дебатах на шариат в Семипалатинске см.: Qurban-Ali Khalidi (ed., translation and commentary Allen Frank, Mirkasym Usmanov), *An Islamic Biographical Dictionary of the Eastern Kazakh Steppe (1770–1912)* (Brill Academic Publishers, 2005), pp. 44–45, 73–75.

ставители этой семье играли важную роль в социально-экономической, общественно-политической и религиозной жизни мусульман Российской империи. Одни из них были влиятельными торговыми деятелями, другие занимали важные должности в местных управленческих структурах, третьи являлись ключевыми религиозными авторитетами в своих общинах, а также были посредниками между интересами государства и деятельностью отдельных социальных групп. Ветвь семьи, связанная преимущественно с религиозной сферой, и будет в центре моего внимания. Это Габдельбари Яушев ('Абд аль-Бари б. 'Аббас аль-Кушари, 1814–1894) — имам, ахун (*ахунд*) города Петропавловска, и его сын, который повторил карьерный опыт своего отца, Габдельвагап Яушев ('Абд аль-Вахаб б. 'Абд аль-Бари аль-Кушари, 1859–1924). Обладая самыми разнообразными ресурсами власти, представители этой семьи фактически были с 1852 по 1924 гг. одними из центральных фигур мусульманской жизни Петропавловска.¹¹ Занимая должности имамов в своей *махалле*, ахунов областного и местного значения, разъезжая в пределах Казахской степи, выполняя функции попечителей (*мутавалиялар*) и имамов на Ирбитской ярмарке (в Пермской губернии), отправляясь в хадж (*хаджж*) на Ближний Восток, Яушевы устанавливали широкие внутренние и внешние связи с мусульманами, и становились активными действующими лицами. Отражая ожидание своей аудитории, Яушевы могли опираться на систему властных отношений, особенность которых определялась динамикой интересов самих мусульман, и, как следствие, возникавшей необходимостью реагировать на те или иные изменения в имперской жизни.

В основе исследования лежат принципы сетевого анализа,¹² который поможет выявить сеть людей и институтов, вовлеченных в систему властных отношений и добивавшихся различных выгод от ее функционирования. Характер отношений участников сети (приверженность религиозным традициям, дружба, партнерство, родственные связи и др.) позволяет определить динамику структурных и ситуационных изменений (особенности открытия мечетей и мусульманских учебных заведений, отношение к ОМДС, борьба за разнообразные социальные позиции и др.). В рамках этой методологии необходимо ответить на следующий вопрос: как мусульмане, оказываясь в различных региональных и имперских ситуациях, ставили и решали вопрос о власти в своих сообществах? Чтобы ответить на этот вопрос, я собираюсь главное внимание уделить не имперской политике как таковой или истории мусульманских общин, а анализу разных факторов и ситуаций, которые определяли специфиче-

11 В настоящей работе рассматривается только имперский период (с 1852 по 1917 гг.).

12 О сетевом анализе см.: G. W. Domhoff, *Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined* (Transaction Publishers, 1978); Он же, "How to Do Power Structure Research" [http://sociology.uscs.edu/whorulesamerica/methods/how_to_do_power_structure_research.html].

ку поведения мусульманских религиозных лидеров и отдельных социальных групп (*улемы*, купцы (*саудагерлер*), казахская кочевая элита и др.). Исходя из особенностей заявленной проблемы, построена структура настоящей работы, включающая введение, четыре раздела основной части и заключение.

СЕМЬЯ, ОБРАЗОВАНИЕ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Род Яушевых восходит к легендарному князю Яушу (Йауш), который за военные заслуги при Иване IV (Иван Грозный) получил княжеский титул.¹³ В XVII в. потомки князя Яуша — служивые татарские мурзы — подтвердили свои привилегии. Им были пожалованы различные земли.¹⁴ В начале XVIII в. Яушевы проживали в д. Кушары (Кошары), Тамгачи, Менгер и др. Казанского уезда Казанской губернии. После утверждения Жалованной грамоты дворянству Екатериной II татарским князьям и мурзам было дозволено пользоваться всеми преимуществами российского дворянства (указ от 22 февраля 1784 г.). Однако многие Яушевы не смогли подтвердить свои родовые привилегии, и они фактически были лишены дворянского титула.¹⁵ К числу таких случаев относится и история семьи из деревни Кушары.

В XVIII в. в д. Кушары проживало несколько представителей рода Яушевых. Одним из них был Габбас Яушев¹⁶ (*Аббас б. 'Абд аль-Рашид аль-Кушари*, 1763–1853). Он учился в Каргалы (Сеитовский посад) у Габдеррахмана Каргалы (*'Абд ар-Рахман аль-Каргалы*), у Джагфара Габидова¹⁷ (*Жагфар б. 'Абид аль-Арслани*, 1747–1824). После завершения обучения Габбас Яушев вернулся в родную деревню¹⁸ и стал имамом. У него было два

13 В настоящее время нет однозначного ответа по поводу идентификации этой личности. См.: *Мустафина Д.* Служивые мурзы Яушевы в XVI–XVII вв. // *Гасырлар авазы — Эхо веков*. 2004. № 1. С. 45.

14 Там же. С. 46.

15 Многие прошения не получили подтверждения и были остановлены на различных стадиях бюрократических разбирательств. См.: *Двоеносова Г.* Татарское дворянство Казанской губернии (вторая половина XVII–XVIII вв.) // *Гасырлар авазы — Эхо веков*. 1999. № 1/2. С. 27–30.

16 Ш. Марджани указывает, что этот человек происходил из рода кушарских мурз, но в тексте не содержится каких-либо сведений о том, что он подтвердил свои привилегии, имел земельные владения или крепостных. См.: *Мәрҗани Ш.* Мөстафадел-эхбар фи эхвали Казан вә Болгар. Казан, Т. 2. 1900. Б. 261.

17 Известен также под именем Джагфар-ишана. Учился в Бухаре и Кабуле. Получил *иджаза* (в суфизме свидетельство правомочности нового *шайха*). Был в оппозиции к ОМДС. См.: *Фәхреддин Р.* Асар. Т. 1. Казан, 2006. Б. 284–285.

18 В середине XIX в. Кушары было средним селением с 76 дворами и 769 жителями. Была 1 мечеть. См.: *Список населенных мест Казанской губернии 1859 г.* / обраб. ст. ред. А. Артемьевым. СПб., 1866. С. 16.

сына: Гата и Габдельбари. Старший — Гата — занял место отца после его смерти в 1853 г.¹⁹ Младший уехал из родной деревни и стал впоследствии, как считает Г. Баруди, прославленной личностью в Сибири.²⁰

Около 15 лет Габдельбари обучался в Бухаре.²¹ Среди его учителей были: специалист в области мусульманского права и риторики *Нияз б. Баниямин аль-Балхи*,²² *Дамулла Хасан б. Халь*.²³ Известно, что из-за отсутствия средств многие студенты (шакирды) бросали учебу или вынуждены были искать самостоятельные заработки. Например, обучая детей кочевых казахов или туркмен.²⁴ В случае Габдельбари сохранился фрагмент его переписки с отцом. Получив письмо с просьбой прислать деньги, Габбас Яушев писал сыну: «Каждый вечер читай суру [Корана] *Аль-Ваки'а* и не будешь нуждаться ни в чем». Тем не менее, отец с каждым караваном отправлял в Бухару некоторую сумму денег.²⁵ Окончив курс в Бухаре, Габдельбари в 1852 г. стал имамом при 2-й (Подгорной) мечети г. Петропавловска.

Его сын — Габдельвагап, прежде чем в 1888 г. занять место отца в Петропавловске, прошел длительный курс обучения. Сначала учился в *мадрасе* при 2-й мечети Петропавловска, затем отправился в Волго-Уральский регион. Здесь занимался некоторое время у муллы *Хусн ад-Дина*²⁶ из д. Тиганали (Спасский уезд, Казанской губернии), после этого обучался в знаменитой *мадрасе* в д. Кышкар (Казанский уезд, Казанской губернии).²⁷ Затем отправился в Бухару, где учился в течение 5–6 лет.²⁸

Оказавшись в Петропавловске, Яушевы активно взаимодействовали с мусульманами из других регионов Российской империи. Особенно с г.

19 *Мәржәни*. Мөстәфадел-әхбар. Б. 263. Об особенностях обучения мусульман Российской империи в Бухаре см.: Allen J. Frank, *Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, Education, and Paradox of Islamic Prestige* (Leiden & Boston: Brill, 2012).

20 *Баруди*. Кызылъяр сәфәре. Б. 90. Высокую оценку Яушеву давал и имам из д. Баранга (Вятская губерния) Ахмад б. Хафиз ад-Дин Барангани. Он оценивал его как честного и авторитетного человека, владевшего хорошим почерком (*наسخ*). *Әхмәд б. Хафиз ад-Дин аль-Бәрәнгани*. Бәрәнге (авылы) тарихы // Институт рукописей Академии наук Республики Татарстан. Инв. номер 39/34, л. 157б.

21 См.: *Фәхрәддин*. Асар. Т. 3–4. 2010. Б. 233.

22 См. о нем подробнее: *Акчура, Йосыф*. Дамелла Галимжан Әл-Баруди. Казан, 1997. Б. 47.

23 Несмотря на то, что у этого человека было много татарских учеников (например, *Тадж ад-Дин б. Башир*, *‘Абдулла б. ‘Абд аль-Гаффар аль-Казани*, *Шах Ахмад б. Абу Язид* и др.), каких-либо биографических сведений о нем обнаружить не удалось. См.: *Фәхрәддин*. Асар. Т. 3–4. Б. 80, 96, 106.

24 Frank, *Bukhara and the Muslims of Russia*, p. 110.

25 *Мәржәни*. Мөстәфадел-әхбар. Б. 263.

26 Сведений о нем выявить не удалось.

27 О высоком образовательном уровне этой *мадрасы* в 1870 г. сообщает Габдеррашит Ибрагимов (*‘Абд ар-Рашид Ибрахим*). См.: *Ибрахимов Г. Тәржәмәи хәлем*. Казан, 2001. Б. 26–30.

28 *Баруди*. Кызылъяр сәфәре. Б. 91.

Троицком²⁹ (Оренбургская губерния). Так, Габдельбари взял в жены Гарифу — дочь Гайсы Яушева³⁰ (основатель троицкой династии Яушевых, потомок князя Яуша в 8-м поколении).³¹ Гайса ходил с караванами в Бухару, в середине XIX в. открыл собственную торговлю в Троицке, владел кожевенным и мыловаренным заводами, избирался в местную городскую ратушу.³² Наибольшую известность получили внуки Гайсы Абдулвали и Муллагали. Они были учредителями торгового дома «А.-В.А. Яушев с братьями», который кроме Троицка имел представительства в Челябинске, Кустанае (Тургайская область), в Ташкенте и Аулие-Ата (Сыр-Дарьинская область), в китайском г. Кульдже и др. регионах.³³

Габдельвагап был женат на дочери имама 3-й мечети г. Троицка Мухаммеджана Рахманкулова (*Мухаммаджан б. 'Абд аз-Захир аль-Берескеви*) Зияе.³⁴ Братом Мухаммеджана был известный религиозный и общественный деятель ахун Хазрат Рахманкулов (*Ахмад Хаджи б. 'Абд аз-Захир аль-Берескеви*). Ахун открыл собственную *мадрасу*, был сторонником введения нового метода,³⁵ представлял Троицк на различных религиозных и общественных совещаниях в г. Уфа, Санкт-Петербург, Чистополь.³⁶

Имели Яушевы значительные связи и в пределах Казахской степи. В г. Кустанае активно действовали племянники супруги Габдельбари Муллагали и Абдулвали. Они способствовали открытию в этом городе мечети³⁷ (1893 г., действует и в наше время) и мусульманского благотворительного общества.³⁸ Были родственники у Яушевых и в г. Семипалатинске. В

29 Многие татарские и казахские студенты после прохождения образовательного курса в различных *мадрасах* Петропавловска отправлялись в Троицк. Прежде всего, чтобы стать юристами ишана Зайнуллы Расулева. См.: *Ғылыми С. Заманамызда болған ғұламалардың ғұмыр тарихтары*. Том 1 (Biographies of the Islamic Scholars of our Time. Vol. 1). Жауапты шығарушылар: Ә.Қ. Муминов, А.Дж. Франк. Алматы, 2013. Б. 375–376, 410, 419–420, 436.

30 Это была вторая жена Г. Яушева. См.: Бэрэнге (авылы) тарихы. л. 157б.

31 О Гайсе подробнее см.: *Баттал Г. Абдулвали Яушев* (публикация и перевод Г.К. Валеева) // Челябинск неизвестный: краеведческий сборник. Вып. 4. Челябинск, 2008. С. 674. Первое издание см.: *'Абд аль-Бари Баттал. 'Абд аль-Вали Яушев*. Оренбург, 1912. Б. 6–7.

32 *Денисов Д.Н.* Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начало XX в.). М., 2011. С. 88.

33 Там же. С. 90–91.

34 *Фэхреддин. Асар*. Т. 3–4. Б. 593; *Рахманкулов А.В.* Шейх Ахмат Хаджи Рахманкулов и его потомки // Хиялят. 2010. № 11 (ноябрь). С. 3; *Денисов*. Очерки по истории мусульманских общин. С. 36.

35 О *мадрасе* Рахманкулова см. подробнее: *Рахманкулов*. Шейх Ахмат Хаджи Рахманкулов. С. 3; Троицки мэдрәсәләре // Вакт. 1909. № 437. Б. 3; 1910. № 711. Б. 2; 1914. № 1436. Б. 4.

36 *Денисов*. Очерки по истории мусульманских общин. С. 14–17.

37 *Баттал*. Абдулвали Яушев (на русском языке). С. 678.

38 Одним из учредителей этого общества был сын Абдулвали Яушева Мухамметвали. См.: РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1204, л. 439–447.

1866–1868 гг. известность получила тяжба между ахуном Петропавловска Габдельбари Яушевым и его двоюродным братом Мухинитдином Амировым — семипалатинским купцом 2-й гильдии. Дело имело скандальный характер, так как Амиров отказывался выделить своему брату часть из причитавшегося ему наследства после смерти их деда арского купца Сайфуллы Салихова.³⁹ Несмотря на активное участие ахуна г. Семипалатинска Ибрагима Ахметова (*Ибрахим б. Ахмад аль-Казани*) и имама Ризаэддина Валитова, к которым Яушев обратился за помощью, дело не увенчалось успехом. М. Амиров смог противостоять вмешательству духовных лиц и ОМДС, сохранив за собой все наследство.⁴⁰ Этот случай, на мой взгляд, не связан с какой-либо религиозной мотивацией, а показывает только столкновение конкретных интересов и групп, которые за ними стояли. В другой ситуации представители купечества Семипалатинской области и разных регионов Казахской степи могли, наоборот, поддержать Яушева. Например, в деле о его назначении в качестве имама на Ирбитской ярмарке. В 1876 г. причины такой поддержки генерал-губернатор Западной Сибири сводил исключительно к глубокой религиозности Габдельбари Яушева. Поэтому чиновник выражал опасения по поводу влияния этого «религиозного фанатика» на торгующих мусульман.⁴¹

Связи в других контекстах и новые отношения Яушевых очень сложно понять, если использовать ту субъективную оценку, которая производилась имперскими чиновниками. Ахун Габдельбари Яушев вел переписку⁴² и поддерживал тесные связи с Габдеррашитом Ибрагимовым, который в 1885 г. стал имамом в г. Тара (Тобольская губерния), а в начале XX в. принял активное участие в организации мусульманских съездов и партии «*Иттифак аль-муслимин*».⁴³ Известно, что он несколько раз посещал Петропавловск. В один из таких приездов (предположительно в 1885 г.) Дамулла Рахматулла Янгуразов (*Абу Ханифа Мухаммад Рахматуллах б. Йусуф аль-Янгурази*), который раньше жил в Таре,⁴⁴ сказал Ибрагимо-

39 Купец 3-й гильдии. Проживал в Семипалатинске предположительно в 1830–1850 гг.

40 Ахун И. Ахметов и имам Р. Валитов докладывали в ОМДС, что М. Амиров не согласился выделить Яушеву часть из наследства, как требуется по шариату, и ахун Петропавловска должен подать свой иск в гражданские инстанции. Однако мне неизвестно был ли подан этот иск. См.: Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ), ф. И-295, оп. 7, д. 212, л. 2об–9об.

41 РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1174, л. 38об.

42 В 1876 г. за Габдельбари Яушевым был установлен полицейский надзор. Согласно данным полиции (не исключено, что преувеличенным. — П.Ш.), «Яушев получает письма из Турции и в России ведет довольно большую корреспонденцию». РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1174, л. 39об. Следы этой переписки пока обнаружить не удалось.

43 См. об этом: *Исхаков С.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. С. 97, 211; *Топчибаши А.М.* Документы из личных архивов. 1903–1934 гг. / Сост., предисл. и прим. С.М. Исхаков. М., 2012. С. 124.

44 С 1856 по 1876 гг. преподавал в *мадрасе* г. Тары. После ссоры с купцами Айтикиными, которые содержали эту *мадрасу*, переехал в Петропавловск, где у него был брат

ву, что его на Ирбитской ярмарке с нетерпением ждет ахун Яушев.⁴⁵ Хорошие отношения Габдельбари Яушев имел и с другим жителем Тары Насреддином Айтикиным (*Наср ад-Дин б. Нияз*, купец 1-й гильдии), представителем известной купеческой семьи,⁴⁶ очень образованным человеком (знал фарси, арабский, немецкий, французский, английский языки, имел библиотеку).⁴⁷ Он часто бывал на Ирбитской ярмарке.⁴⁸ Очевидно по торговым делам Айтикин останавливался и в Петропавловске.

Таким образом, Яушевы, будучи выходцами из Казанской губернии, в XIX – начале XX вв. фактически распространили свое влияние далеко за ее пределами. Представители этой семье проживали на территории Южного Урала, Сибири, Казахской степи, Средней Азии и др. регионах. Петропавловск в этом перечне не стал исключением. Местные Яушевы, используя свои связи и другие ресурсы влияния, стали одними из ключевых фигур социально-экономической, общественной и религиозной жизни этого города и других регионов Казахской степи.

Ислам и властные отношения в Петропавловске

Динамика социального развития

Петропавловск, основанный как крепость в 1752 г., благодаря торговле с различными регионами Средней Азии (Коканд, Бухара) и Российской империи (Тобольская, Томская, Казанская, Сибирская губернии и др.) стал важным экономическим центром Казахской степи. В 1882 численность татарского населения города (мужского пола — далее м.п.) достигла 2 389 человек,⁴⁹ из которых 119 были купцами, а 1194 мещанами. Сартов было 224 человека, а казахов — 1499 (м. и ж.п.).⁵⁰

Изменения в социально-экономической жизни отразились на религиозном благоустройстве. Перед февральской революцией 1917 г. в Пе-

---

купец 1-й гильдии Валид Янгуразов. См.: *Бустанов А.* Книжная культура сибирских мусульман. М., 2013. С. 21–23; *Alfrid Bustanov, “Abd al-Rashid Ibrahim’s Biographical Dictionary on Siberian Islamic Scholars,” Kazan Islamic Review 1 (2014), pp. 62–63.*

45 Известно также, что они обменивались телеграммами, используя телеграф. См.: *Ибрагимов.* Тэржэмэи хэлем. Б. 132, 134.

46 О семье Айтикиных см. подробнее: *Бустанов А.К., Корусенко С.Н.* Родословные сибирских бухарцев: Имьяминовы // *Археология, этнография и антропология Евразии.* 2010. № 2. С. 97–105.

47 Кроме этого, известно, что Айтикины открыли первую мечеть и *мактаб* при ней в г. Павлодаре (Северо-восточный Казахстан). См.: *Валеев Ф.Т.* Тарские предприниматели Айтикины // *Таре 400 лет: Материалы научно-практической конференции.* Ч. 1. Омск, 1994. С. 54–57.

48 *Ибрагимов.* Тэржэмэи хэлем. Б. 132–134.

49 ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 2757, л. 23об–24.

50 Обзор Акмолинской области за 1882 г. Омск, 1883. Приложение: Ведомость о населении Акмолинской области за 1882 г.

тропаповске находилось 9 мечетей (6 татарских, 1 *чала (шала)* казахская,⁵¹ 2 казахских).⁵² В 1911 г. газета «Вакт» сообщала, что в городе проживает 4 тысячи мусульман (в этом контексте татар. — П.Ш.), есть 6 мечетей (татарских. — П.Ш.) и 6 *мадраса* при них. При каждой *мадраса* находится новометодный (*усуль аль-джадид*) *мактаб*.⁵³ Эти данные, учитывая джадидскую направленность газеты, представляются несколько преувеличенными. Другие мусульманские источники их не подтверждают. Они сообщают, что введение новометодных программ было скорее исключением, чем правилом.⁵⁴

Как благоустроить город? Местные вызовы и имперские ответы

В 1881–1882 гг. в Акмолинском областном правлении рассматривалось два прошения о строительстве двух новых мечетей в Петропавловске (№ 5 и № 6). Первое прошение было подано 25 ноября 1881 г. купцом первой гильдии Валидом Янгуразовым; второе поступило 22 декабря 1881 г. от купеческого сына Хусайна Бичурина. Купцами уже были приобретены земельные участки для новых мечетей.⁵⁵ Кроме этого, каждый из них (за подписью своих поручителей)⁵⁶ обещал содержать на свой счет не только мечеть, но и требуемое число духовных лиц. Разобрав все необходимые бюрократические формальности, власти столкнулись с новой трудностью. К генерал-губернатору Западной Сибири поступило другое прошение: от духовных лиц Бадрутдина и Утеганова,⁵⁷ которые заявили, что если ходатайство В. Янгуразова будет удовлетворено, то одна из старых мечетей города останется без мусульман. Такой конфликт внутри исламского общества мог быть связан с несколькими тенденциями: во-первых, опасения прежних имамов потерять свои доходы после образования но-

51 *Чала (шала)* казахи — социальная категория, образовавшаяся в результате браков казахов с татарами и среднеазиатскими выходцами.

52 *Баруди*. Кызьльтяр сэфэре. Б. 86–99.

53 Петропавл хэбэрлэре // Вакт. 1911. № 715. Б. 3.

54 Гильмани пишет о казахском *улеме* Кондыбае Хазрате, который учился (в начале XX в.) в старометодной (*усуль аль-кадим*) *мадрасе* 6-й *махалли* Петропавловска. Его учитель, Габделгазиз Бегишев (*‘Абд аль-Азиз б. Мустафа*), узнав, что он одновременно посещает занятия Хасана Понамарева, который преподает по новому методу, прогнал его из своей *мадрасы*. См.: *Гильмани*. Заманамызда болган ғұламалардың. Т. 1. Б. 436. См. также: *Наврүзов М.Г.* Сибирида мусульманлар вэ башка милләтлэре // Сиберия. 1913. № 62. Б. 2–3. Подробнее о конфликтных ситуациях между казахами и татарами см.: G. Sultangalieva, “Kazakh Perceptions of Tatar Officials in the Russian [Imperial] Administration in the Eighteenth and Nineteenth Centuries,” *Proceedings of the XIIIth conference of the European Society for Central Asian Studies* (Cambridge, 2015), pp. 187–203.

55 ЦГА РК, ф. 64, оп.1, д. 2757, л. 17–18.

56 Под прошением Х. Бичурина подписался 201 человек, а В. Янгуразова — 313. Все из них были людьми зажиточными, имевшими недвижимость. См.: Там же, л. 23об.

57 Выявить дополнительные сведения о них не удалось.

вой *махалли*⁵⁸; во-вторых, рост монетаризации экономики и накопление больших частных капиталов в принципе могли усилить противоречия между купцами, приглашавшими новых имамов, *мугаллимов*, и местными духовными лицами, к примеру, не желавшими изменять программу *мадрасы*.⁵⁹

В этом случае имамом в новой мечети должен был стать, приехавший из Тары, брат купца В. Янгуразова, Рахматулла Янгуразов.⁶⁰ Оказавшись в Петропавловске еще в 1876 г., он из-за конфликта с местными *улемами* не смог занять должность имама в 4-й мечети.⁶¹ Участвуя в полемике (*моназара*) с местными духовными лицами по поводу видов животных, которых можно приносить в жертву на *курбан-айт*, Янгуразов, обращаясь к авторитету своего учителя из Кышкарской *мадрасы* (Исмаил б. Муса аль-Кышкар), а также ссылаясь на трактат (*рисала*) «Корбан» имама Сайфуллы б. аль-Хаж Галимбака, пытался отстоять свою точку зрения. Однако мнения разделились, и часть *улемов* выступила против него.⁶²

Так как вопрос со строительством мечетей принял затяжной характер, в дело решили вмешаться влиятельные исламские фигуры Петропавловска: губернский ахун Габдельбари Яушев, ахун Ахметвали Габдрахманов (Ахмад-Вали Тухфатулла б. 'Абд аль-Рахман, 1-я мечеть) и имам Абдрашитов (Саид б. Халифа 'Абд аль-Рашид, 4-я мечеть). В своем прошении они поддержали Х. Бичурина, но ни словом не обмолвились о просьбе В. Янгуразова.⁶³ Почему эти лица решили так поступить? И Г. Яушев, и ахун А. Габдрахманов, как уже было выяснено, были в неплохих отношениях с семейством Янгуразовых. К тому же отец Р. Янгуразова учился в д. Комургузя (Казанская губерния) у Сайфуллы б. Утягана — дедушки ахуна Габдрахманова.⁶⁴ Между ними могли быть и суфийские связи. А. Габдрахманов был обращен в суфизм *Тадж ад-Дином б. Ахмадом ат-Тайдари аль-Карани*⁶⁵ (из Самарканда), а Р. Янгуразов стал последователем *накибандийа-халидийа*.⁶⁶ Тем не менее, социальные связи и существующие отношения на основе религии не способствовали официальной

58 ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 2757, л. 23.

59 См. об этом: Stephane A. Dudoignon, "Status, Strategies and Discourses of a Muslim 'Cleergy' under a Christian Law: Polemics about the Collection of the Zakat in Late Imperial Russia," in Stephane A. Dudoignon and Hisao Komatsu, eds., *Islam in Politics in Russia and Central Asia, Early 18th - Late 20th Centuries* (London-NY: Kegan Paul, 2001), pp. 50-51.

60 См. о нем выше.

61 *Фэхреддин*. Асар. Т. 3-4. Б. 140.

62 См.: *Баруди*. Кызылъяр сәфәре. Б. 89; *Фэхреддин*. Асар. Т. 3-4. Б. 140.

63 ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 2757, л. 24об.

64 См.: *Фэхреддин*. Асар. Т. 2. 2009. Б. 215, 274.

65 См. о нем подробнее: Frank, *Bukhara and the Muslims of Russia*, pp. 90-91.

66 См.: *Баруди*. Кызылъяр сәфәре. Б. 88, 96.

поддержке. Возможно, эту ситуацию можно объяснить тем, что и Яушев, и Габдрахманов опасались новых конфликтов в религиозных кругах Петропавловска, которые наряду с разными другими обстоятельствами могли повлиять на их собственный престиж и авторитет. С другой стороны, я не исключаю влияния косвенных факторов, не связанных с религиозной мотивацией. Например, влияние богатой купеческой семьи Бичуриных (которая представляла интересы группы мусульман, подавшей второе прошение), представитель которой Д.М. Бичурин пожертвовал в пользу мечети № 5 вакуф (*вакф*) на сумму 4 тыс. рублей.⁶⁷

В 1882 г. дело со строительством этих двух мечетей было решено. Жалоба Бадрутдина и Утеганова осталась без удовлетворения. Подсчитав, что в городе проживает 2 389 мусульман (м.п.) и при разделении общин на каждую придется около 400 человек (при 6 мечетях. — П.Ш.), власти дали согласие на строительство обеих мечетей, т.е. удовлетворили прошения В. Янгуразова и Х. Бичурина.⁶⁸ Интересно, что данное решение, оформленное со ссылкой на формальное соблюдение законов и одобренное генерал-губернатором Западной Сибири, было вынесено вопреки уже хорошо выраженной в эти годы исламофобии западно-сибирской и акмолинской администрации.⁶⁹

Анализируя этот случай, можно представить благодаря каким конфликтам местного характера и региональным подходам администрации возникали новые мусульманские общины. Во-первых, российские власти, ссылаясь на формальное соблюдение законодательства, в основном разрешали устройство новых мечетей и тем самым образование других *махалл*,⁷⁰ преследуя прагматические цели, а не покровительство исламу как таковому. Во-вторых, мусульмане, подавая прошения в административные учреждения, не могли полностью доверять им, и в качестве дополнительных ресурсов опирались на поддержку авторитетных религиозных

67 РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 621, л. 1об.

68 ЦГА РК, ф. 64, оп.1, д. 2757, л. 24об-25.

69 Так, в 1877 г. военный губернатор Акмолинской области В.С. Цитович, анализируя ситуацию с исламом, считал, что среди главных мер для борьбы с «религиозным фанатизмом» является смещение ахуна Габдельбари Яушева с должности и выселение его из Петропавловска. См.: ЦГА РК, ф. 15, оп. 2, д. 52, л. 11.

70 Однако это не должно привести к мысли о каком-то равнодушии властей к исламскому благоустройству. В отличие от поддержки прошений зажиточных татарских купцов, ситуация с сартами была другой. Малочисленное и менее обеспеченное среднеазиатское общество имело мало шансов, чтобы получить разрешение на собственную мечеть. Так, в 1858 г. бухарский *караван-баши* Мирза Габиг Мирнадыров обратился в Тобольское губернское правление с просьбой о строительстве молитвенного дома, так как бухарское (среднеазиатское) общество не может содержать мечеть из-за своей малочисленности. Данное прошение не было удовлетворено. См.: ЦИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 5744, л. 5-17.

лиц, экономическое влияние торгово-предпринимательских слоев, открытое выступление в печати от имени «всех мусульман»⁷¹ и др.

История 2-й махалли: консерватизм, прогрессизм, или разнообразие имперских ситуаций

В результате увеличения численности населения Петропавловска и частичного затопления его подгорной части первая *махалла* была переселена в нагорный участок города. На старом месте возникла новая мусульманская община и в 1857 г.,⁷² вместо сгоревшей деревянной, была выстроена новая каменная мечеть. Деньги на ее возведение выделил купец Ибатулла Баязитов,⁷³ приехавший из д. Менгеры (Казанская губерния).⁷⁴ Первым имамом этой мечети был Габдельбари Яушев, утвержденный ОМДС в 1852 г.⁷⁵ Сложно проследить механизм выдвижения его кандидатуры. Я предполагаю, что большую роль для населения Петропавловска играл престиж обучения в Бухаре, а также принадлежность Яушева к известной княжеской фамилии.

Во второй *махалле* функционировала одна *мадраса* и два *мактаба* (начальная мусульманская школа): мужской и женский. Кроме татар в *мадрасе* обучались и казахи. Некоторые из них, например, *Дамулла Казий Айтваулы*, добились больших успехов в образовании и были оставлены ахуном Габдельбари Яушевым в качестве преподавателей (*хальфа*).⁷⁶ Этот случай позволяет говорить, что конфликты между татарами и казахами не всегда были ярко выражены, и те и другие этнические группы могли успешно взаимодействовать между собой.

Первый *мактаб* был открыт в 1906 г. на средства купцов Хамзы Тюменева и Сеита Муратова.⁷⁷ Вторая школа — женская — открылась в 1905 г.⁷⁸ Деньги

71 Так, например, в 1913 г. в петропавловской газете «Приишимье» появилась статья, подписанная псевдонимом «Мусульманин». Автор доводил до сведения городских властей, что мусульмане против решения сделать мусульманский парк общедоступным местом. См.: Приишимье. 1913. № 84(3). С. 3.

72 В 1840-е г. в подгорной части Петропавловска было несколько татарских мечетей. Однако пожар 1849 г. уничтожил их. См.: *Баруди*. Кызытъяр сэфэре. Б. 87.

73 В 1885 г. внучка этого купца Биби Зюлейха Баязитова завещала в пользу 2-й мечети *вакф* в размере 4 тыс. рублей. См.: РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 621, л. 204об.; д. 916, л. 23/об.

74 *Баруди*. Кызытъяр сэфэре. Б. 90.

75 ЦИА РБ, ф. И-295, оп. 4, д. 5911, л. 3.

76 *Ғылмани*. Заманамызда болған ғұламалардын. Б. 486.

77 ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 4059, л. 2.

78 Источники сообщают противоречивую информацию о мусульманском образовании. Например, «*Вакт*» указывает, что в 1911 г. в Петропавловске не было ни одного женского *мактаба*, и девочки обучались на дому у *абыстай* (жена имама. — П.Ш.). Однако газета «*Нур*» в 1905 г. дает подробное описание устройства женского *мактаба*, открытого во 2-й *махалле*: один учитель, 120 учениц, 5 классов, изучаемые предметы и т.д. См.: Петропавл хабэрлэре // *Вакт*. 1911. № 715. Б. 3; Кызылжар-Петропавл булдасында // *Нур*. 1905. № 17. Б. 4.

также были выделены купцами Х. Тюменевым и С. Муратовым. Несмотря на то, что с 1874 г. мусульманские школы подлежали надзору МНП, в своем устройстве они сохраняли большую независимость.⁷⁹ В Акмолинской области *мактабы* открывались с разрешения областного правления, но управлялись имамом, который фактически определял программу учебного заведения, занимался хозяйственными вопросами и др. делами.⁸⁰ В случае 2-й *махалли* есть сведения, что ахун Габдельвагап Яушев управлял делами *мактаба* совместно с купцами Х. Тюменевым и С. Муратовым,⁸¹ а руководство над женским *мактабом*⁸² осуществляла супруга ахуна Зияя Яушева при помощи жен этих же купцов — *ханум* Тюменевой и *ханум* Муратовой.⁸³ Так как официального попечительского совета при *мактабах* 2-й *махалли* не было,⁸⁴ сложно говорить о каком-то всестороннем влиянии купцов-основателей на развитие этих учебных заведений. Скорее речь идет о большом разнообразии практик взаимодействия между Яушевыми и купеческими семьями Тюменевых и Муратовых. Так, газета «Вакт» в 1914 г. писала, что материальное состояние одного из *мактабов* Яушевых «не приводит в восхищение». Из-за отсутствия теплой одежды некоторые дети вынуждены в холодное время пропускать занятия. Газета заявляла, что данная проблема связана с отсутствием попечителей. Поэтому должного внимания образованию не уделяется.⁸⁵

79 О том, что меры по контролю над мусульманским образованием являлись примером бюрократической разобщенности и в реальности не имели успеха см.: Саматова Ч.Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Казанского учебного округа). Казань, 2013.

80 ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 4059, л. 14. Я согласен со С. Дюдуаньоном в том, что модернизация в Российской империи не была во всех аспектах связана с секуляризацией. Серьезно не вмешиваясь в мусульманское образование, государство в основном способствовало его автономной модернизации в контексте собственных проблем и институтов (новые учебные программы, новометодные школы и др.). См.: Dudoignon, "Status, Strategies and Discourses," p. 65.

81 Ульфат. 1907. № 60. Б. 6.

82 Фактически ахун осуществлял надзор и за вторым *мактабом*, так как я не нашел в источниках сведений о том, что его жена Зияя Яушева принимала участие в хозяйственных и финансовых вопросах. См.: Там же.

83 Нур. 1905. № 17. Б. 4.

84 Институт попечительства (*мутаваллиялар*) стал распространяться в Петропавловске не ранее 1915–1917 гг. В обязанности попечителей входил широкий круг вопросов: хозяйственные, финансовые, административные и судебные дела. См.: ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 3257, л. 146–151об. Сведения о попечительстве при *мактабах* 2-й мечети удалось обнаружить только за 1918 г. См.: Турмуш. 1918. № 788. Б. 3. Об особенностях введения попечительства в Российской империи см.: Naganawa, Norihiro, "Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: *Mahalla* under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammendan Spiritual Assembly after 1905," *Acta Slavica Iaponica* 23 (2006), pp. 115–116.

85 На 120 учащихся в месяц приходилось 30–40 рублей, на содержание учителей — 45–50 рублей. См.: Бикчентаев, Шариф. Тәрбиямыз мәктәпләре // Вакт. 1914. № 1436. Б. 3–4.

Хотя в мусульманских изданиях начала XX в. складывался новый этический образ купцов-меценатов, которые верят в прогресс и вкладывают деньги исключительно в реформу *мактабов* и *мадрас*, ситуация во 2-й *махалле* была несколько иной. Петербургская газета «Ульфат» отмечала в 1907 г., что петропавловские купцы Тюменев и Муратов сделали много для распространения знаний, и местное общество связывает свое будущее развитие с деятельностью этих людей. Однако не выявлено сведений, указывающих на то, что Тюменев и Муратов призывали к реформе мусульманского образования. Более того, в некоторых мусульманских обществах Петропавловска одновременно функционировали новометодные и старометодные *мадрасы*, покровительствуемые одними и теми же купцами.⁸⁶ Поэтому не вызывают удивления некоторые противоречия в этой истории. Например, газета «Сибирия» критиковала *мактаб* ахуна Г. Яушева, называя его старометодным,⁸⁷ и она же восторженно отзывалась об организации учебного процесса в другом — женском *мактабе* этой *махалли*: изучаются языки (арабский, фарси, русский), некоторые ремесла; открыты библиотека и театр.⁸⁸

Трудно сказать, что важность джадидских реформ была очевидна для Яушева и тех купцов, которые его окружали.⁸⁹ Конечно, они вводили отдельные джадидские преобразования, чтобы усовершенствовать учебный процесс и повысить собственную популярность. Однако такие факторы, как отсутствие фиксированной финансовой помощи, и опасения по поводу того, что появление новометодного *мактаба* может привести к разделу сфер влияния между имамом и новым *мугаллимом*,⁹⁰ вынуждали в ряде случаев занимать консервативные позиции. Поэтому с целью сохранения своей власти семья Яушевых вместе с семьей купцов Тюменевых и Муратовых активно контролировали общественную жизнь учащихся, регламентируя ее правилами религии. На это обстоятельство указывает, например, программа литературного вечера, организованного Яушевыми. Мероприятие состоялось 27 января 1914 г. в здании женского *мактаба*. На нем присутствовали, кроме жен купцов Тюменева и Муратова, и другие влиятельные лица города: З. Бегишева,⁹¹ К. Ишму-

86 Такая ситуация в 1913 г. была в первой *махалле* Петропавловска. Один *мактаб* был новометодный, в другом использовался старый метод. См.: Приишимье. 1913. № 79. С. 3.

87 *Наврузов*. Сибирияда мусульманлар вэ башка миллэтлэре. Б. 2.

88 Хатын-кыз дөнъясе // Сибирия. 1913. № 118. Б. 1; Ульфат. 1907. № 60. Б. 6.

89 В этой связи интересно замечание М. Тюны о том, что в Российской империи «эффект» джадидизма часто искусственно привязывался к неопременному одобрению новой программы со стороны *улемов* или купцов. На практике же муллы, определявшие программу так называемых новометодных школ и *мадрас*, имели смутные представления об ее содержании. См.: Tuna, *Imperial Russia's Muslims*, p. 164.

90 См. об этом подробнее: Dudoignon, "Status, Strategies and Discourses," p. 56.

91 Вероятно, супруга имама 3-й мечети Мухаммеджана Бегишева (*Мухаммаджан б. Надж ад-Дин Бегиши*).

хаммедова,⁹² Г. Янгуразова,⁹³ Ф. Шафиева,⁹⁴ Г. Урманова и др. Вечер начался с чтения Корана одной из учениц этого *мактаба*. После этого Зияя Яушева напомнила всем о важности соблюдения предписаний религии.⁹⁵

Яушевы вместе с купцами Муратовыми и Тюменевыми пытались воздействовать на общественную жизнь своих подопечных и за пределами *махалли*. В 1915 г. имамы некоторых мечетей совместно с влиятельными купцами выступили против проведения «Мусульманского детского утра». По поводу этого мероприятия имам 4-й мечети Хафиз Габдрашитов заявил ученикам своего *мактаба*, что если кто-нибудь из них пойдет на «утро», тот немедленно будет исключен из учебного заведения. В свою очередь Фатима Тюменева (супруга купца Хамзы Тюменева) задержала учениц женского *мактаба* 2-й мечети и целый день не отпускала домой.⁹⁶ Несмотря на активно развернувшуюся дискуссию в газетах, я не нашел сведений, что местные власти каким-то образом вмешались в данную ситуацию. Более того, такая нейтральная позиция в определенных случаях могла быть фактом скрытой или явной поддержки (несмотря на всю риторику, связанную с «религиозным фанатизмом», «панисламизмом» и пр.) местных консервативно настроенных религиозных кругов. Особенно в период Первой мировой войны, когда услуги таких влиятельных людей как Габдельвагап Яушев играли важную роль в укреплении лояльности мусульманского населения, и организации пропаганды против врагов Российской империи.⁹⁷

В других контекстах консервативное поведение местных религиозных кругов также давало повод думать о том, что это выгодно местным властям. 2 июля 1913 г. газета «Приишимье» писала, что местные муллы

92 Супруга судебного пристава г. Петропавловска.

93 Супруга одного из купцов Янгуразовых, основателей 6-й мечети.

94 Вероятно, супруга купца А. Шафиева.

95 *Ишмухаммедова К.* Петропавл шәһәрYNда әүәле мәртәбә әдәбият кичәсе // Турмуш. 1914. № 29. Б. 2.

96 Приишимье. 1915. № 12. С. 3.

97 См. подробнее об этом феномене: *Усманова Д.* Российские мусульмане и пропаганда в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // *Acta Slavica Iaponica* 37 (2016). pp. 73–101. В декабре 1914 г. Зияя Яушева сочинила два патриотических стихотворения, к которым также была написана музыка, и учащиеся женского *мактаба* должны были исполнять их. Ахун Г. Яушев 22 октября 1914 г. в 4-й мечети организовал «общественный молебен», по итогам которого губернатору была послана телеграмма от имени всех петропавловских мусульман «с выражением негодования по адресу Турции за ее дерзкое нападение на наше черноморское побережье». См.: Приишимье. 1914. № 239. С. 3; № 204. С. 3; Вакт. 1914. № 1639. Б. 4. С другой стороны, выгода от сотрудничества была и экономической. Используя влияние Яушева и других духовных лиц, власти могли обеспечить значительные пожертвования на нужды войны. Так, 7 сентября 1914 г. Г. Яушев собрал 25 рублей, 27 августа имам 3-й мечети М. Бегипшев — 86 руб., а Х. Габдрашитов, имам 4-й мечети — 105 рублей. См.: Приишимье. 1914. № 161. С. 3; № 170. С. 3.

во главе с ахуном (Яушевым. — П.Ш.) подали прошение губернатору с целью запретить мусульманкам посещать театр. Мотивировали они свое письмо тем, «что якобы театральное дело несовместимо с требованиями шариата». Газеты, обвинив мулл в «фанатизме», который противоречит идеям просвещения, развернули кампанию в поддержку мусульманских женщин.⁹⁸ На первый взгляд, мотивацию духовных лиц можно объяснить стремлением поддержать этические эталоны мусульманской идентичности в поликультурной среде Петропавловска. Сложно представить, что мусульмане думали о том, что российская администрация была способна к серьезному анализу мусульманского права. Хотя я согласен с Д. Мейером в том, что мусульмане и имперские чиновники могли в одинаковой степени апеллировать к исламу и шариату («исламский дискурс»⁹⁹), чтобы найти более гибкий путь для взаимодействия друг с другом.¹⁰⁰ Однако случай Казахской степи убеждает, что такая практика была менее распространенной, чем в Волго-Уральском регионе. Система, созданная для регламентации ислама в Казахской степи, способствовала наоборот более ограниченному взаимодействию мусульман с государством. С одной стороны, это обеспечивалось слабым влиянием ОМДС,¹⁰¹ а, с другой, усилившейся исламофобией имперских чиновников.

Другой случай, связанный с тем, как местная ситуация становилась для некоторых периодических изданий (из Казани, Уфы) поводом преувеличить значение дискуссий о прогрессе и консерватизме в Петропавловске, произошел в 1913–1914 гг. Дело началось с того, что в феврале 1908 г. власти Петропавловска дали разрешение на открытие мусульманской

---

98 Есть сведения, что в газете «Сибирия» было опубликовано письмо за подписью 23 петропавловских мусульманок, в котором они возражали против действий местных мулл. К сожалению, найти номер этой газеты не удалось. См.: Приишимье. 1913. № 108. С. 3.

99 Об особенностях этого понятия см. примечание 13 к статье: James H. Meyer, "Speaking Sharia to the State: Muslim Protesters, Tsarist Officials, and the Islamic Discourses of Late Imperial Russia," *Kritika: Exploration in Russia and Eurasian History* 14:3 (2013), p. 487.

100 Там же. р. 493. Эта работа позволяет понять, как мусульмане благодаря использованию шариата в ходе взаимодействия с государством пытались адаптировать свои потребности к различным изменениям имперской жизни. Если эти изменения могли стать поводом для семейных конфликтов, столкновений между разными мусульманскими общинами и их лидерами (что вело к разделу ресурсов, экономических приоритетов и др.), то империя могла разделять легитимность таких обращений к шариату, преследуя цель поддержания социального порядка.

101 Хотя казахи были изъяты из ведомства ОМДС еще в 1868 г., имперские чиновники в конце XIX – начале XX вв. активно обсуждали вопрос о проведении такой же реформы в отношении татар Казахской степи. Как следствие, различные административные меры оказали влияние на количество обращений в ОМДС. Так, за период с 1900 по 1908 гг. я выявил всего 11 таких обращений в Петропавловске. См.: РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 626, л. 157об, 254, 307, 419; д. 628, л. 204, 286, 490, 518; д. 630, л. 47, 181об, 325.

публичной библиотеки.¹⁰² Ее учредителями стали местные купцы Хасан и Ахмеджан Акчурины, Г. Тайшетов, М. Шамсутдинов и мещанин Галим Тюменев. По замыслу основателей посещение библиотеки объявлялось свободным для всех желающих.¹⁰³ Для женщин с 1913 г. вводились специальные дни.¹⁰⁴ Финансовые расходы должно было обеспечивать «Общество для содержания Петропавловской мусульманской библиотеки-читальни».¹⁰⁵ Несмотря на важность этого события для жизни города, газета «Кояш» отмечала, что на открытии библиотеки присутствовал только один человек. Далее сообщалось, что под воздействием местных мулл мусульмане не пришли в библиотеку, а собрались в мечети Яушева и у других имамов.¹⁰⁶ Сам же Яушев выпустил *фатва*, в которой запрещал мусульманам Петропавловска отпускать своих жен и детей в библиотеку.¹⁰⁷ Было ли это новым стремлением защитить моральные устои общества или формой цензуры на свободное чтение? Я уже отмечал, что в одном из *мактабов* Яушевых были организованы и библиотека, и театр. С другой стороны, нет сведений — какой ассортимент изданий предлагали Яушевы своим читателям. Тогда как новая мусульманская библиотека обеспечивала широкий выбор разных газет и журналов: «Шура», «Вакт» «Дин ва магийшат», «Молла Насреддин» и др.¹⁰⁸ Можно также думать, что принципиальным вопросом было учреждение специальных дней для женщин в 1913 г. Развернувшаяся дискуссия в газетах по поводу защиты интересов женщин фактически всю вину взвалила на Яушева и других имамов, назвав их противниками просвещения.¹⁰⁹ Таким образом, прогрессивная печать сводила суть проблемы к диалектической оппозиции между консерваторами и сторонниками прогресса. В действительности петропавловская мусульманская библиотека имела маленькое помещение и не обеспечивалась какими-либо земскими отчислениями в отличие, например, от библиотек Волго-Уральского региона.¹¹⁰ Поэтому выделение даже двух специальных дней для женщин представлялось на практике слож-

102 Махмутов З. Татары Северо-Казахстанской области: история, культура, идентичность. Казань, 2011. С. 12.

103 РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1204, л. 114а-115.

104 Махмутов. Татары Северо-Казахстанской области. С. 14.

105 РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1204, л. 111об-112.

106 Петропавлда китапханә // Кояш. 1913. № 20. Б. 3.

107 Петропавлда кыйраәтханә һәм имамның вәгазе // Кояш. 1913. № 249. Б. 3.

108 Махмутов. Татары Северо-Казахстанской области. С. 13.

109 В газете «Турмуш» было опубликовано письмо мусульманок Петропавловска, в котором выражался протест против решения мулл и на помощь призывались влиятельные люди. См.: Петропавл кыйраәтхасы // Турмуш. 1914. № 4. Б. 2.

110 О ситуации с мусульманскими библиотеками Волго-Уральского региона см.: Махьянова Ф.К. Деятельность Оренбургского земства по открытию инородческих библиотек в полиэтническом регионе // Татары в Оренбургском крае (к 100-летию газеты «Вақыт» и библиотеки имени Х. Ямашева): материалы межрегиональной и регио-

ной проблемой, учитывая большой наплыв читателей (в среднем 28 человек в день, за первые два месяца 1750 человек¹¹¹). Как это ни странно, но я предполагаю, что сами учредители и члены общества содержания библиотеки были заинтересованы в такого рода выступлениях Яушева и других духовных лиц с целью уменьшения собственных материальных издержек на нужды библиотеки. В связи с этим местная газета «Приишимье» 19 февраля 1914 г. писала, что правлением мусульманской библиотеки отказано в просьбе о назначении специальных дней для женщин¹¹² (хотя оно же сделало такое разрешение в 1913 г.¹¹³). С целью каким-то образом решить эту проблему местные власти разрешили открыть мусульманское отделение в русской публичной библиотеке-читальне. Мусульманкам было отведено два дня в неделю.¹¹⁴ Важно отметить и то обстоятельство, что нет данных о каких-то официальных протестах со стороны Яушева и других имамов по поводу посещения женщинами русской публичной библиотеки. В этом контексте лояльность империи могла при необходимости привести к отказу от открытых выступлений, обусловленных религиозными факторами.

Таким образом, история второй *махалли* Петропавловска позволяет увидеть примеры того, как мусульмане реагировали на вызовы времени. Оказываясь в гуще событий городской и имперской жизни, такие личности как ахун Габдельвагап Яушев активно действовали в разных направлениях: как защитник моральных эталонов исламского общества, приобретая тем самым черты консерватора на страницах прогрессивной прессы; как лояльный имперскому режиму религиозный лидер, занимая промежуточное положение между интересами своего общества и актуальными запросами российской власти. Поэтому понятия «прогресс» и «консерватизм», «джадидизм» и «кадимизм» в конкретных ситуациях утрачивали адекватное значение и становились объектом для манипуляций со стороны различных групп и печати. Сам Яушев и люди, которые его окружали, могли вводить отдельные изменения в учебные программы в соответствии с требованиями времени, но в целях сохранения своей власти обеспечивать в той или иной мере консервативный взгляд на изменения в общественной жизни мусульман города.

нальной научно-практической конференции. Оренбург, 2008. С. 171-180.

111 Махмутов. Татары Северо-Казахстанской области. С. 13.

112 Приишимье. 1914. № 14. С. 3.

113 Махмутов. Татары Северо-Казахстанской области. С. 34.

**НА ГРАНИЦЕ РАЗНЫХ МИРОВ: ОМДС, «ТАТАРСКИЙ ВОПРОС»
И КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ В 1850–1860-Е ГГ.**

8 февраля 1858 г. ОМДС утвердило Габдельбари Яушева в звании старшего губернского ахуна. Так как Петропавловск входил в состав Тобольской губернии (до 1869 г.), Яушев столкнулся с дилеммой¹¹⁵: по-прежнему исполнять обязанности имама только в своей *махалле* или в пределах всей губернии?¹¹⁶ Конечно, ОМДС было заинтересовано, чтобы командировать своего представителя в отдаленные регионы Казахской степи и Сибири, с целью разбора исков и решения различных дел местного благоустройства. Тем не менее, учитывая, что *муфтиат* подчинялся гражданской администрации,¹¹⁷ самовольное решение об отправке того или иного лица в какой-либо регион могло вызвать серьезный конфликт между разными учреждениями. Поэтому в ответ на запрос Яушева, ОМДС вынуждено было констатировать, что в дела других мусульман (за пределами г. Петропавловска) он может вмешиваться только с разрешения губернского начальства.¹¹⁸

Казалось бы, изложенное выше, дает ясное понимание происходящего в регионе, имевшем единое административное подчинение, но включавшем население с разными этнокультурными укладами и политико-правовыми статусами: казахи, татары, башкиры, сибирские бухарцы, сарты и др. Однако есть комплекс документов, позволяющий говорить, что, несмотря на существовавшие правовые и административные ограничения, Г. Яушев в 1850–1860-е гг. относительно свободно перемещался не только в пределах Казахской степи, но и в других регионах.¹¹⁹ Разбирал иски казахов, татар, сартов. С одной стороны, причиной такого положения вещей были объективные обстоятельства: в 1860 г. в Кокчетавском округе (куда чаще всего командировался Яушев) было всего 5 мулл¹²⁰ с

114 Приишимье. 1914. № 14. С. 3.

115 ОМДС не обеспечило Яушева какими-либо инструкциями на предмет того: в чем состоят обязанности ахуна. См.: ЦИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 6438, л. 4. Об обязанностях и критериях назначения ахуна см.: N. Spannaus, "The Decline of the Akhund and the Transformation of the Islamic Law under the Russian Empire," *Islamic Law and Society* 20:3 (2013), pp. 202-241.

116 Там же. p. 5.

117 Главным органом, курирующим деятельность ОМДС, было МВД. В регионах *муфтиат* зависел от решений генерал-губернаторов. См.: *Азаматов, Д.Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа, 1999. С. 30–31.

118 ЦИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 6438, л. 5об.

119 В 1858 г. ОМДС препроводило к Яушеву просьбу о разделе имущества, поданную женой троицкого купца 3-й гильдии Б. Габдулмулкминовой (Оренбургская губерния). С 1854 г. Яушев регулярно выезжал в Казахскую степь для разбора исков местного населения. См.: РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 596, л. 416об.; ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 1035, л. 3об–11.

120 Из них только двое, утвержденных ОМДС (указные муллы). См.: ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 1557, л. 26–27.

мусульманским населением около 50 тыс. человек,¹²¹ а с другой, в 1850–1860-е гг. наблюдался рост злоупотреблений имамов, для объективного расследования которых ОМДС вынужденно было командировать духовных лиц из других регионов или создавать специальные комиссии.¹²² Поэтому происходило увеличение конфликтных ситуаций, связанных с межведомственными разбирательствами, столкновениями имамов между собой, а также благодаря исламофобии отдельных имперских чиновников, которые, разбирая бумаги ОМДС, могли преувеличивать ситуацию в регионах с точки зрения политической оценки ислама.

Политическая обстановка, в которой осуществлялась деятельность татарских духовных лиц, не была предсказуемой. Если в первой половине XIX в. *муфтият* становился активным участником общегосударственного цивилизационного процесса в Казахской степи, а с помощью татарских мулл продвигались идеи гуманизации казахского обычного права,¹²³ то в середине девятнадцатого столетия ситуация изменилась. Проекты русификации, коренизации местного управления, новые административные и судебные реформы сделали «татарский вопрос» одной из ключевых политических тем, способных помешать империи в осуществлении ее планов. Стали появляться различные идеи, связанные с упразднением ОМДС,¹²⁴ а также мысли об удалении татарских мулл из Казахской степи и постепенной замены их на собственных — казахских.¹²⁵ История, которую я собираюсь рассказать, происходила в это сложное время.

В 1859 г. разбиралось дело о злоупотреблениях ахуна Яушева, «притеснявшего киргизский (казахский. — П.Ш.) народ». Началось все с того, что на имя генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорта в 1858 г. от казахов Кокчетавского округа поступила жалоба. Местные бии, старшины, волостные управители доводили до сведения административного начальства, что ахун Яушев «делает народу разные притеснения, требуя киргизов для спроса по делам и удерживая [явившихся к нему] жен и дочерей».¹²⁶ Представители казахов просили генерал-губернатора от-

121 Данные по населению на 1856 г. См.: ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 6, л. 22.

122 См. например: Исторический архив Омской области (ИАОО), ф. 3, оп. 2, д. 2653; ЦИА РБ, ф. И-295, оп. 4, д. 6232; оп. 3, д. 5108; д. 5110; д. 5713.

123 См. об этом подробнее: *Шаблей П.С.* Оренбургское магометанское духовное собрание и семейно-брачные отношения у казахов в XIX в.: правовое регулирование // История государства и права. 2010. № 2. С. 25–29.

124 Например, 18 октября 1852 г. оренбургский и самарский генерал-губернатор В.А. Перовский предписал ОМДС не вмешиваться в семейно-брачные дела казахов с формулировкой, что кочевники «ни в каком отношении» не подведомственны этому учреждению. См.: РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 602, л. 60б.

125 См. проект Ч.Ч. Валиханова: *Валиханов Ч.Ч.* О мусульманстве в степи // Избранные произведения: серия: библиотека казахской этнографии. Т. 1. Астана, 2007. С. 112–116.

126 ЦИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 4488, л. 3.

странить Яушева и его помощника муллу д. Мавлютовой (г. Мамлютка в современной Северо-Казахстанской области) Амрана Налимова от вмешательства в их семейно-брачные дела.¹²⁷ Однако в ходе следствия выяснились новые интересные обстоятельства. По результатам опроса людей, подписавших жалобу, установили, что волостные правители Джандос Саликов, Кайбек Данандаев, а также старшины и бии Есет Кулатов, Нияз Тагапанов и другие (всего 14 человек)¹²⁸ никаких претензий к Яушеву и Налимову не имеют. Печать (*тамга*) казахов на прошении появилась по просьбе кокчетавского имама Мифтахитдина Хабибуллина (*Мифтах ад-Дин б. Хабибулла*).¹²⁹ Оказалось, что Хабибуллин уверял, ничего не подозревавших казахов (очевидно, не владевших грамотой. — П.Ш.), в том, что данная бумага вовсе не жалоба, а ходатайство о назначении брата его (Хабибуллина. — П.Ш.) помощником муллы.¹³⁰ Таким образом, татарский имам пытался устранить своего противника, используя в выгодном для себя свете ту общественно-политическую ситуацию, в условиях которой империя пыталась ослабить влияние татарских мулл на казахов и исключить Казахскую степь из ведомства ОМДС.

ОМДС не доверяло М. Хабибуллину и еще в 1854 г. попыталось отстранить его от должности. Полагая, что имам Кокчетав М. Хабибуллин и имам Акмолинска Исхак Юсупов «производят законопротивные действия» *муфтиат* предписывал Яушеву (тогда еще имаму. — П.Ш.) «иметь над ними надзор, следить за действиями их и каждый раз доносить Собранию». Однако это решение не было одобрено российской администрацией по причине того, что такие поручения зависят не от ОМДС, а от начальников местных окружных приказов. В результате разногласия между разными учреждениями привели к остановке дальнейшего рассмотрения дела.¹³¹

В марте 1859 г., т.е. за несколько месяцев до того, как в Тобольском губернском правлении началось следствие по делу ахуна Яушева, между Яушевым и Хабибуллиным возникли новые трения. Знакомый петропавловского ахуна, временно проживающий в Кокчетаве сарт Гали Яузин,

127 Там же, л. 3об.

128 В действительности круг взаимодействия Яушева и *улемов* Петропавловска с представителями казахской кочевой был более разнообразным. Кроме биев и волостных правителей он включал старшего султана М. Токтамышева, заседателя Кокчетавского округа М. Тубейтова и др. Подробнее см.: *Шаблей П.* Ахун Сирадж ад-Дин ибн Сайфулла ал-Кызылъяри у казахов Сибирского ведомства: исламская биография в имперском контексте // *Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве.* 2012. № 1. С. 175–208.

129 М. Хабибуллин — имам станицы Кокчетавской (ныне г. Кокчетав, Акмолинская область Республики Казахстан) с 24 августа 1844 г. См.: ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 1557, л. 34.

130 ЦИА РБ, ф. И-295, оп.3, д. 4488, л. 4–5.

131 ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 1035, л. 3–11.

обратился к нему с жалобой на имама Хабибуллина. В своей просьбе Г. Яузин сообщал, что имам Кокчетава при поддержке некоторых сартов принуждает его к разводу с женой. Обратившись в ОМДС, Яушев вновь был задержан российской администрацией в г. Петропавловске с предложением ждать разрешения от Кокчетавского окружного приказа.¹³² Таким образом, случай с которого я начал эту историю, был обусловлен серьезными личными мотивами. Недоверие же Хабибуллина к ОМДС отчасти объясняет его намерение использовать политические мотивы для устранения своих противников.

Какое решение приняли власти по делу Яушева? Разобравшись во всех обстоятельствах и выяснив, что, отправляясь в Казахскую степь, ахун действовал по согласованию с ОМДС, а не по собственному усмотрению, генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорт приказал дело прекратить и от всякой ответственности Яушева освободить.¹³³

Конфликт, о котором я здесь рассказал, является отражением сложного контекста взаимоотношений между казахами, сартами и татарскими *улемами*, ОМДС и имперскими учреждениями. Действия отдельных сторон этого инцидента позволяют говорить о разобщенности административно-правовых структур управления и наличии разнообразных групповых отношений. Именно в условиях несогласованности действий между ОМДС и административными ведомствами такие люди как М. Хабибуллин могли воспользоваться политической риторикой вокруг ислама и продвигать свои интересы в виде прошений от лица «казахского народа».

«КТО ПЛАТИТ, ТОТ И ЗАКАЗЫВАЕТ»: ПЕРИПЕТИИ БОРЬБЫ ЗА ДОЛЖНОСТЬ ИМАМА НА ИРБИТСКОЙ ЯРМАРКЕ

Ирбитская ярмарка¹³⁴ (Сибирская губерния, Пермская губерния (с 1781 г.)), основанная в 1647 г.,¹³⁵ стала в XVIII–XIX вв. крупнейшим местом оптовой и меновой торговли в Российской империи.¹³⁶ Сюда съезжались

132 РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 596, л. 92об, 174об–175.

133 ЦИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 4488, л. 7. М. Хабибуллин был снят с должности имама в 1862 г. См.: ЦИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 5481.

134 См. подробнее о ней: *Хитров А.* К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки. Ирбит, 1872; *Смирных А.И. и др.* Уездные столицы: культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2002. С. 14–29; Ирбитская слобода и Ирбитская ярмарка в XVII–XVIII вв. Екатеринбург, 2003.

135 По другим данным в 1643 г. См.: *Зияев Х.З.* Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX в. Ташкент, 1983. С. 139.

136 Занимала второе место по торговым оборотам, уступая лишь Нижегородской (Макарьевской) ярмарке. См.: *Щеглова Т.К.* Деятельность алтайских купцов на Ирбитской ярмарке во второй половине XIX в. // *Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.): Межвузовский сборник научных статей.* Барнаул, 1995. С. 75.

купцы из разных регионов империи: Астрахани, Оренбурга, Санкт-Петербурга, Казахской степи, Сибири, а также из Бухары, Ирана. Среди людей, ведущих торговлю на Ирбитской ярмарке, много было и мусульман. Так, в 1876 г. их съехалось около 600 человек, а в 1901 г. из 532 русских/российских фирм 52 принадлежали татарам. Из 666 купцов 83 были мусульманами.¹³⁷

Мусульмане, находившиеся на Ирбитской ярмарке продолжительный период времени,¹³⁸ сталкивались с большими трудностями в организации своей религиозно-культурной жизни. Особенно их беспокоило отсутствие мечети. В первой половине XIX в. вопрос о строительстве мечети поднимался несколько раз,¹³⁹ но не был решен положительно. Хотя план и фасад будущей мечети были утверждены пермским губернатором Н.Н. Огаревым еще в 1850 г., денег на сооружение культового здания в государственной казне не было. Поэтому ОМДС ежегодно вынужденно было командировать на ярмарку своего духовного представителя для сбора пожертвований на новую мечеть. Эта практика многие годы не имела особой результативности.¹⁴⁰ Дело ускорило, когда на Ирбитскую ярмарку прибыл в 1865 г. петропавловский ахун Габдельбари Яушев.¹⁴¹ Благодаря его активной деятельности мусульмане уже в 1866 г. получили место для организации своей религиозной практики.¹⁴²

Так как судьба мечети была фактически решена, дальнейшее пребывание Г. Яушева на Ирбитской ярмарке не являлось целесообразным. Однако местные мусульмане так не считали. В 1868 г. в основном татарские купцы из Петропавловска, Семипалатинска, Троицка, Казанской, Оренбургской, Тобольской губерний составили приговор об избрании Г. Яушева имамом на Ирбитской ярмарке.¹⁴³ С этого момента началась история сложных взаимоотношений между мусульманскими купцами и ОМДС, ахуну Г. Яушевым и другими духовными лицами, претендовавшими на должность имама.

В 1870 г. ОМДС определило в качестве имама на Ирбитскую ярмарку ахуна д. Улукушевой (Уфимская губерния) Нигматуллу Токтарова.

137 Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006. С. 408–410.

138 Продолжительность ярмарочных дней варьировалась. Так, в начале XIX в. был установлен срок с 10 февраля по 10 марта; в конце этого века торговля на ярмарке продолжалась с 25 января по 1 марта. См.: Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 65, оп. 1, д. 229.

139 В 1838, 1849 гг. См.: Загидуллин. Мусульманское богослужение. С. 410.

140 Там же. С. 410–411.

141 См.: РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 675, л. 1об.; Загидуллин. Мусульманское богослужение. С. 411.

142 В 1866 г. казанским купцом 1-й гильдии Исхаком Юсуповым был приобретен жилой дом некоей Кристины Петровой. Этот дом купец отдал под *вакф* будущей мечети. См.: Загидуллин. Мусульманское богослужение. С. 411–412.

143 РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 675, л. 14об.; Загидуллин. Мусульманское богослужение. С. 412.

Однако, торгующие на Ирбите мусульмане, отказались принять Токтарова, и в ответ на действия *муфтиата* приостановили сбор средств на реконструкцию мечети.¹⁴⁴ Решив, что в этом виноват Г. Яушев, так как он пользуется большим влиянием на Ирбитской ярмарке, ОМДС объявило взыскание ахуну¹⁴⁵ и отстранило его от должности на один год.¹⁴⁶ Еще в течение нескольких лет *муфтиат* пытался безуспешно командировать своих представителей на Ирбитскую ярмарку. Такие действия встречали жесткий отпор со стороны приезжих мусульманских торговцев.¹⁴⁷ Так, в 1876 г. пермский губернатор получил сразу два приговора о желании избрать Яушева «пожизненным имамом» на Ирбите.¹⁴⁸ Почему мусульмане решили сделать ставку на Яушева, а не на ахуна Токтарова или других представителей ОМДС? Анализируя одно из прошений 1876 г., я прихожу к выводу о наличии значительных региональных групп, выгодных для Яушева — с точки зрения формирования общественного мнения. Из 493 человек, подписавших приговор, 100 представляли купечество Петропавловска; из остальных регионов Казахской степи — 60; из Троицка — 35; из Тары — 9.¹⁴⁹ Таким образом, учитывая влияние семьи Яушевых и ее разнообразные связи, создавалась по приблизительным подсчетам (более 40 %) значительная поддержка, определявшая успех ахуна в ходе противостояния с ОМДС. А так как в состав Ирбитского ярмарочного комитета¹⁵⁰ входили крупные купцы Петропавловска Хамза Тюменев и Мухаммеджан Девлеткельдеев,¹⁵¹ кандидатура Яушева в период обсуждения новой вакансии на должность имама была фактически незыблемой. С другой стороны, нужно учесть и объективные обстоятельства. В период пребывания ахуна Яушева на Ирбитской ярмарке был решен вопрос не только со строительством мечети, но и достигнуты успехи в разных направлениях местного мусульманского благоустройства. В 1866–1867 гг. Габдельбари Яушев добился отведения специального места для захоронения мусульман в окрестностях г. Ирбита.¹⁵² Окончательно вопрос о противостоянии ОМДС и мусульманского купечества был решен в 1878 г., когда в дело вмешалось МВД. По его постановлению торговцы могли сами по своему усмотрению избирать имама на следующий ярмарочный сезон.¹⁵³

144 Там же. С. 412–413; РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 675, л. 18–25.

145 Там же, л. 61–62.

146 В 1871 г. обязанности имама во 2-й *махалле* исполнял Габдул Хабир Максюттов ('*Абд аль-Хабир б. 'Абд аль-Вахаб аль-Муслими*). См. о нем: *Баруди*. Кызылъяр сәфәре. Б. 90–91.

147 *Загидуллин*. Мусульманское богослужение. С. 413.

148 РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 675, л. 71.

149 Там же, л. 71–86.

150 В обязанности комитета входила забота о благоустройстве ярмарки и общественном порядке на ней. Члены комитета могли также предлагать кандидатуру имама для местной мечети. См.: *Хитров*. К истории г. Ирбита. С. 80–81.

151 Справочная книжка на Ирбитскую ярмарку на 1898 г. Ирбит, 1897. С. 18.

152 ЦИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 6439, л. 1–5.

153 *Загидуллин*. Мусульманское богослужение. С. 413–414.

В 1890 г. место отца, исполнявшего обязанности попечителя и имама Ирбитской ярмарочной мечети, занял Габдельвагап Яушев.¹⁵⁴ История его деятельности на Ирбите отразила другой уровень разногласий, возникавших в контексте важных общественно-политических изменений в жизни мусульман Российской империи начала XX в.¹⁵⁵ Яушев принимал активное участие в петиционных кампаниях мусульман,¹⁵⁶ был представителем петропавловского мусульманского общества на различных собраниях мусульман Российской империи.¹⁵⁷ Одновременно с этим, также как и в случае Петропавловска, деятельность Г. Яушева на Ирбитской ярмарке не была однозначно оценена его современниками. Так, газета «Сибирия» сообщала в 1913 г., что имам г. Ирбита — человек очень влиятельный, собравший в течение ярмарки более 4 тыс. рублей¹⁵⁸ на реконструкцию мечети. Вместе с этим, Яушев пользуется безграничной властью и борется с проявлением «свободомыслия» среди молодежи.¹⁵⁹ Такая характеристика, особенно в условиях активизации мусульманского движения и популяризации в имперских кругах «панисламистской угрозы»,¹⁶⁰ могла стать выгодной для тех или иных социальных и политических кругов, преследующих свои собственные интересы.

В 1908 г. началась история, связанная с попыткой некоторых мусульман г. Ирбита сместить Г. Яушева с должности имама и попечителя

154 Татар оглы. Ирбит ярминкәсе // Сибирия. 1913. № 76. Б. 2; ГАПО, ф. 65, оп. 5, д. 319, л. 21.

155 Активизация мусульманского движения обуславливалась реакцией на меры со стороны правительства, призванные смягчить ситуацию в религиозной жизни. Особую значимость приобрели: Указ от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» и Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». Эти законы оживили общественную жизнь мусульман и способствовали разворачиванию активных петиционных кампаний. См. об этом подробнее: Werth, *The Tsar's Foreign Faiths*, pp. 216–224; Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань, 2014. С. 400–416.

156 Г. Яушев был из числа первых, откликнувшихся на общественно-политические изменения в Российской империи. В декабре 1904 г. он организовал петицию мусульман на Ирбитской ярмарке на имя премьер-министра С.Ю. Витте. См.: Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Всероссийские мусульманские съезды. 1905–1906 гг. Нижний Новгород, 2005. С. 8.

157 См.: Бигиев М. Ислахат әсәсләре. Петроград, 1915. Б. 13 (за предоставление этой книги в мое распоряжение, я благодарен Норихиро Наганаве).

158 Сибирия. 1913. № 76. Б. 2; А. Топчибаши, посетив Г. Яушева в Петропавловске в 1909 г., отмечал, что ахун собрал 2 тыс. рублей на прошедшей Ирбитской ярмарке. См.: Топчибаши. Документы из личных архивов. С. 129.

159 Сибирия. 1913. № 76. Б. 2.

160 Активность полиции по пресечению «панисламистской деятельности» привела к разнообразным репрессивным мерам: аресты, конфискации имущества, ссылки, запреты на преподавание. Так, в Петропавловске от преподавания в одной из *мадрас* (по новому методу) был отстранен *мударрис* Хасан Понамарев. См.: РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 470, л. 77. О «панисламизме» в Пермской губернии см.: ГАПО, ф. 65, оп. 5, д. 104.

местной мечети. Некто Валиулла Султанов представил пермскому губернатору жалобу, в которой просил запретить ахуну Петропавловска приезд на предстоящую Ирбитскую ярмарку (в 1909 г.). Мотивировал свою просьбу Султанов тем, что Яушев «за последние 3–4 года, приезжая в г. Ирбит, тайно агитирует среди лиц магометанского исповедания к неповиновению властям и правительству».¹⁶¹ Эти же опасения подтвердил и ирбитский уездный исправник. Сам Яушев в свое оправдание заявил, что никаких политических собраний не организовывал, а если мусульмане и собирались, то только для обсуждения вопросов местного благоустройства.¹⁶² Выдвинутые против себя обвинения, ахун Петропавловска назвал клеветой, заявив, что В. Султанов сам претендует на должность попечителя и даже самовольно исполняет эти обязанности, когда Яушев отсутствует.¹⁶³

Несмотря на то, что мусульмане в основном поддержали Г. Яушева,¹⁶⁴ сложилась иная ситуация, чем та, в которой оказался в 1860–1870-е гг. его отец. Пермский губернатор, несмотря на активное противодействие торгующих мусульман, обвинил Габдельвагапа Яушева в «неблагонадежности» и в 1909 г. добился запрета на его дальнейшую деятельность на Ирбитской ярмарке.¹⁶⁵ Интересно, что участие ОМДС в этом деле никак не прослеживается, и вопрос о снятии Яушева был решен только российской администрацией.

Как это не удивительно, несмотря на решения российских властей, мусульманские купцы продолжали избирать Яушева имамом на Ирбитской ярмарке. Кроме этого, в 1912–1913 гг. он фактически руководил попечительским советом, организованным при ирбитской мечети. Так, в 1912 г. Г. Яушев вместе с екатеринбургским купцом З. Агафуровым собрал на ярмарке 400 рублей и передал их казначею местного *мактаба* Шакиржану Бикмуллину.¹⁶⁶ Следы Яушева теряются в 1914 г., когда вместо него имамом на ярмарку был назначен Захит Каримов.¹⁶⁷

История, рассказанная здесь, демонстрирует совершенно иной уровень противостояний, чем тот, который наблюдался на примере Казахской степи. Если в случае с имамом Кокчетава М. Хабибуллиным Габдельбари Яушев был пострадавшей стороной и ему удалось избежать наказания только благодаря редкой исполнительности российских чиновников, то ситуация на Ирбитской ярмарке в 1860–1870-е гг. исключала возможность широкого ангажирования политических и национальных

161 ГАПО, ф. 65, оп. 5, д. 319, л. 2.

162 Там же, л. 22.

163 Там же, л. 20об.

164 Поддержал Яушева и акмолинский губернатор, заявив, что «неблагоприятных сведений о нем в политическом отношении не имеется». См.: Там же, л. 35.

165 Там же, л. 18об.

166 Каримов М. Ирбит // Вакт. 1912. № 951. Б. 4.

167 Ирбит хэбэрлэре // Турмуш. 1914. № 31. Б. 3.

вопросов. Фактически конфликт между купцами и ОМДС не был обострен каким-то активным участием местной и центральной администрации. Более того, позиция МВД, вмешавшегося в 1878 г., на практике обеспечила поддержку торгово-предпринимательских слоев. Тем самым экономическая прагматика возобладала над правовыми ограничениями и религиозными предпочтениями.¹⁶⁸ И это происходило в то время, когда в других регионах империи вырисовывались совершенно иные перспективы взаимодействия с мусульманами: исключение казахов из ведомства ОМДС, устранение «татарского элемента» из Казахской степи и др.

Случай Габдельвагапа Яушева отразил новый виток борьбы, участниками которой были уже не отдельные лица или учреждения, а в большей степени идеологические настроения правящих верхов Российской империи. Именно чиновники, активно развивая мысль об угрозе «панисламизма», способствовали реализации целого ряда репрессивных мер против тех или иных мусульманских фигур в разных регионах империи. Этой ситуацией могли воспользоваться сами мусульмане, рассчитывавшие уничтожить своих врагов и занять в перспективе их место. Однако, как и в случае своего отца, Габдельвагап Яушев, заручившись поддержкой купцов, и в то же время, рискуя подвергнуться аресту и ссылке, еще в течение нескольких лет продолжал приезжать на Ирбитскую ярмарку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что история семья Яушевых хотя и является важным примером для понимания властных отношений в Российской империи, но не охватывает многих случаев, с помощью которых можно было бы говорить об особенностях исламского дискурса и более специфических формах религиозных отношений, например, на основе суфийских связей. Тем не менее, анализ материала, предложенный в этой статье, позволяет сделать следующие выводы: во-первых, не существовало какой-то однообразной политики Российской империи по отношению к исламу; во-вторых, в различных имперских контекстах мусульмане выработывали собственную тактику для достижения своих максимальных выгод. Такие отношения, на мой взгляд, не сводились к тому, что мусульмане доверяли империи, которая становилась в их глазах верховным арбитром законности, и главным авторитетом, определявшим границы применения шариата. В этой работе, я рассмотрел разные перспективы. В случае Петропавловска ссылки религиозных лидеров на шариат, с одной стороны, должны были усилить идентичность мусульманского общества,

---

168 Некоторые параллели с назначением имама и открытием мечети можно обнаружить на примере Макарьевской (Нижегородской) ярмарки. См.: *Сенюткина О.Н., Загидуллин И.К.* Нижегородская ярмарочная мечеть: центр общения российских и зарубежных мусульман (XIX–XX вв.). Нижний Новгород, 2006.

проживавшего в политикультурном окружении, а с другой, это был важный ресурс для поддержания социального порядка, имевшего обоюдную выгоду. При этом ссылка на шариат в зависимости от ситуации не всегда признавалась в качестве источника власти. Разные региональные проявления исламофобии уничтожали доверие властей к религиозным лидерам (как в случае Габдельвагапа Яушева), а сами мусульмане могли блокировать решения ОМДС и *улемов*, основанные на шариате, используя другие источники власти: экономическое влияние, партнерские отношения, социальный протекционизм и др.

Эта семейная история интересна еще и тем, что она разворачивалась в условиях больших перемен в общественно-политической и экономической жизни мусульман Российской империи. Яушевы оказались в центре событий. А так как вторая половина XIX – начала XX вв. ознаменовалась ростом капиталистических отношений, секуляризацией общества и борьбой за гражданские права, мусульмане должны были действовать более или менее разнообразно, чтобы создать нормальные условия для своего благоустройства. В этом плане Яушевы рассматриваются не как противники прогресса или сторонники новых реформ, а как деятели, учитывавшие, прежде всего, особенности местных социальных отношений. Поэтому в интересах своего общества (*махалла*) они могли открывать библиотеку, театр и пр., но в пространстве города активно выступали против организации таких культурно-досуговых мест. Очевидно, смысл этих поступков сложно объяснить с помощью дихотомических вариаций (джадидизм vs кадимизм). Проблема контроля и удержания власти является здесь основной.

Интересной является и перспектива изучения властных отношений в условиях взаимодействия разных этнических групп, исповедовавших ислам. В этой работе я коротко указал, что казахи, татары, сарты выделялись империей в особые категории с собственным правовым статусом. Однако на практике отношения между этническими группами носили куда более сложный характер. Некоторые татарские имамы могли использовать казахов как важный ресурс для уничтожения своих врагов. Сарты, в свою очередь, также рассчитывали на поддержку татарских *улемов*, чтобы отстоять свои интересы в различных вопросах местного благоустройства, таким образом, пытаясь преодолеть ограничения в делах религиозной регламентации, установившиеся для них в 1835 г. Дальнейшая разработка этого направления должна помочь выйти за рамки однообразных интерпретаций властных отношений между этническими группами, населявшими Казахскую степь. В действительности складывалась комплексная картина взаимодействия, подвергающая сомнению имперские представления о некоей исходной маргинальности казахов, сартов и др. по отношению к властному доминированию татар. Случай с имамом Хабибуллинным показал, что каждая из этих групп могла обладать значительными ресурсами влияния для урегулирования внутренних конфликтов.